

0640



HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мишель Смарт

СВОЕНРАВНАЯ НЕВЕСТА



Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мишель Смарт

Своенравная невеста

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Смарт М.

Своенравная невеста / М. Смарт — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06854-5

Друзья со студенческих лет, состоятельные красавцы Рокко Монделли и Кристиан Маркос, меняют женщин, как перчатки. Но однажды очередной подругой Кристиана становится не кто-нибудь, а сестра Рокко, Алессандра. Найдёт ли Кристиан путь к сердцу красавицы и смирится ли Рокко с выбором друга?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06854-5

© Смарт М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мишель Смарт

Своенравная невеста

Michelle Smart

THE GREEK'S PREGNANT BRIDE

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© 2015 by Harlequin Books S. A.

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

Кристиан Маркос опрокинул в рот остатки шампанского и тут же вновь наполнил бокал. Он с самого начала знал, что ему предстоит тяжелый день, но не представлял, что он окажется настолько мучительным.

И теперь, стоя рядом с лучшим другом в этот самый счастливый день его жизни, он невольно чувствовал себя предателем.

Пока Рокко обменивался клятвами с невестой, Кристиан то и дело бросал на Алессандру недвусмысленные взгляды.

Он все еще пытался бороться.

Алессандра Монделли, маленькая сестренка Рокко, была очаровательной девчушкой – и вот теперь превратилась в женщину невероятной красоты. Но она была единственной женщиной в мире, надеяться на обладание которой он не имел права.

Вернее, не должен был иметь.

На ней было длинное розовато-лиловое шелковое платье без рукавов. Блестящие темно-каштановые волосы были убраны сзади в тугий пучок. Солнце бросало отблески на золотистую кожу. Кристиану казалось, что подружка невесты затмевает всех присутствующих, включая саму новобрачную – знаменитую супермодель.

В последний раз он видел Алессандру в коротком кружевном платье кремового цвета, расшитом черным бисером, и в черных туфлях на столь высоких каблуках, что он искренне не понимал: как она может на них ходить? Тем не менее она двигалась грациозно, и ее восхитительные бедра покачивались при каждом шаге. Если быть точным, это был последний раз, когда он видел ее одетой. После этого была еще одна встреча – тогда она, обнаженная, лежала, укрывшись покрывалом, на кровати в собственной квартире.

Из восхитительного сада жених с невестой и гости переместились в бальную залу на вилле Монделли на берегу озера Комо. Торжественный ужин закончился, вот-вот должно было начаться настоящее веселье. Кристиан кое-как произнес традиционную речь свидетеля, ухитрившись вызвать смехи в зале. Особенно веселились Стефан и Зайед, уговорившие его заменить написанную им речь их собственной, более сдержанной версией. Его работа на сегодня была окончена. Но он не чувствовал себя свободным, а, напротив, сидел как на иголках, ожидая начала танцев.

Подающая надежды американская старлетка не сводила с него глаз. Ее тело было само совершенство. Еще шесть недель назад он не заставил бы ее долго ждать. Или наслаждался бы обществом какой-нибудь другой из множества великолепных женщин, явившихся на эту, как ее называли, «свадьбу столетия». Здесь были супермодели, певицы, манекенщицы, рекламирующие нижнее белье... Совсем недавно он ощущал бы себя здесь ребенком, забытым в магазине сладостей.

Теперь же он чувствовал себя словно больной диабетом, запертый в кондитерской. Ни одна из красоток не привлекала его.

Кроме одной. Той, на которую он не имел права.

Как он дошел до такой жизни? Всю жизнь он менял партнерш как перчатки и вот теперь, встретив Алессандру, потерял контроль над собой.

Может, все дело было в шампанском? Нет, все-таки проблема крылась в нем самом.

Алессандра казалась легкой добычей. Она очень страдала после смерти деда, растившего ее с детских лет и похороненного всего за пару недель до случившегося, хотя и старалась скрыть свои чувства.

Кристиан заскочил во всемирно известный дом моды лей «Монделли» по пути из Гонконга, собираясь позвать Рокко на ночной кутеж или на совместный уик-энд на яхте его ита-

льянского друга. Но Рокко, как оказалось, был в Нью-Йорке. Зато он наткнулся на Алессандру, которая упростила его пригласить ее вместо брата. В обычных обстоятельствах он нашел бы способ отказаться и, вернувшись на борт своего частного самолета, продолжил бы свой путь в Афины. Но в прекрасных золотисто-карих глазах девушки пылала мольба, и он согласился. Он помнил, как она едва держалась на ногах во время похорон.

В начале вечера Кристиан и помыслить не мог, что они закончат его в постели.

Женщины регулярно появлялись в его жизни, чтобы вскоре исчезнуть. Но Алессандру он никак не мог забыть. Он изо всех сил старался выкинуть ее из головы. Он чувствовал себя виноватым. Пускай она первой потянулась к нему с поцелуем, который закончился ночью любви, и все же вина за произошедшее целиком лежала на нем.

Он должен был проявить непреклонность.

Теперь, шесть недель спустя, он прибыл на озеро Комо в уверенности, что наконец сможет без проблем находиться в ее обществе. Но стоило ему бросить на нее взгляд, и чувство вины вновь принялось глотать его. До сих пор они обменялись лишь несколькими светскими фразами – но теперь им предстоял совместный танец.

Нравится ему это или нет, он еще раз будет держать ее в объятиях.

Музыканты только разогревались, когда Стефан обратился к нему с какой-то фразой. В тот же момент Кристиан заметил, как Оливия, склонившись к Рокко, что-то шепчет ему. Это напомнило ему их ужин с Алессандрой, то, как она наклонялась к нему, чтобы он мог слышать ее за шумом, стоявшим в зале, исходивший от нее знойный запах, который щекотал ему ноздри...

Уголкем глаза он видел, как Алессандра говорит с приглашенным фотографом. Быть может, она давала ему профессиональные советы. Алессандра Монделли была одним из самых известных модных фотографов в мире – впечатляющее достижение, особенно если учесть, что ей было всего двадцать пять. Это имя она создала себе сама. Как и Кристиан – свою репутацию.

Стефан вновь обратился к нему. Наконец Кристиан расслышал: тот говорил о благотворительном фонде, который они с друзьями создали несколько лет назад.

Итальянец Рокко Монделли, сицилиец Стефан Бьянко, принц пустыни Зайед аль-Афзал и он сам принимали активное участие в работе фонда и сборе денег для него. Они называли себя «колумбийской четверкой». Никто не помнил, кто из них первым изобрел это прозвище, но оно прижилось. Они подружились в первую же неделю учебы в Колумбийском университете, и с тех пор дружеская связь их лишь крепла. Когда всем четверым оставалось не так уж много до того, чтобы попасть в мировой список миллиардеров, они занялись благотворительностью. Кристиан очень гордился их фондом, помогавшим детям из бедных и неблагополучных семей получить достойное образование. Да и им четверым было приятно заниматься вместе чем-нибудь помимо совместных пьянок и соблазнения женщин.

Их дружба казалась нерушимой.

Но даже сталь можно разрушить.

Он попытался ответить Стефану, но, занятый своими мыслями, сумел лишь пробормотать что-то невнятное. К счастью, его фразу заглушили первые танцевальные аккорды. Под громкие аплодисменты жених и невеста вышли на танцпол.

Кристиан бросил взгляд на Алессандру. Ее глаза смотрели испуганно.

У него что-то сжалось в груди.

Раздумья Кристиана прервал сильный хлопок по плечу.

– Тебе пора танцевать. – Зайед уселся на освободившийся стул слева от него.

Theos. Ему предстоит танцевать с ней. Так распорядилась невеста, Оливия: лучший друг жениха, лучшая подружка невесты...

Алессандра ждала его на полпути к танцполу. Ее напряженное лицо словно отражало его собственные мрачные опасения.

Уж лучше бы эта группа играла одну из тех бодрых мелодий, что принесли ей мировую славу, а не романтическую балладу, которую они выбрали ради этого случая...

Сжав зубы, он повел ее к центру зала.

Едва Кристиан коснулся ее, как его сердце застучало в бешеном ритме. Волной накрыли воспоминания о ее запахе, вкусе ее губ...

У ее платья был глубокий вырез сзади, и он при всем желании не мог не касаться ее шелковистой кожи. Его рука застыла на ее спине, едва прикасаясь к ней.

Но, несмотря на это, все его чувства были сосредоточены на Алессандре, и ее пьянящий запах дразнил его в то время, как они двигались по залу в танце, больше походя на двух роботов, чем на мужчину и женщину, которых лишь шесть недель назад соединила ночь любви.

«Подумай о Рокко», – приказал он себе, оглядываясь на лучшего друга, млевшего в объятиях такой же счастливой невесты. Поймав его взгляд, Рокко кивнул ему и поцеловал невесту в губы.

Этот взгляд был как удар ножом прямо в сердце.

Что бы сказал его друг, выяснив, что свидетелем на его свадьбе стал человек, лишивший невинности его младшую сестру?

Всепоглощающее желание, охватившее его той ночью, все еще бурлило в крови. А ведь обычно одной ночи для него было вполне достаточно. Насладившись женщиной, он открывал все ее тайны и не испытывал нужды в продолжении.

Он считал секунды до конца танца. Судя по тому, как застыло в его объятиях тело Алесандры, она тоже не могла дожждаться, пока танец закончится.

Наконец музыка смолкла. В этот момент Алессандра посмотрела на него глазами лани, слегка склонив голову набок. *Theos*, до чего же она прекрасна!

Эти потрясающие глаза, вздернутый носик, высокие скулы... Ее восхитительные пухлые губы разомкнулись.

– Кристиан, я...

Ее прервал Зайед, который вежливо тронул ее за плечо, сообщнически подмигнув Кристиану.

– Теперь моя очередь танцевать с этой прекрасной леди, – сказал он достаточно громко, чтобы его услышал Рокко.

Тот, повернувшись, подозрительно сощурил глаза, а затем широко улыбнулся. Он и подумать не мог, что кто-то из его друзей способен посягнуть на сестру, о которой он так заботился.

Кристиан с трудом изобразил улыбку, отвешивая шуточный поклон:

– Она твоя.

Он думал, что Алессандра насмешливо скажет, что она не принадлежит никому из них. Но она продолжала неотрывно смотреть ему в лицо, и в ее глазах промелькнула тень страха.

Кристиан поспешно направился к бару. Опрокинув рюмку бурбона, он вновь обернулся к Алессандре. Она танцевала со Стефаном. Теперь она выглядит счастливой, с горечью подумал Кристиан. Что ж, ее напряженность в его объятиях можно понять. Ведь тогда, в тот вечер, они и подумать не могли, что все закончится сексом на одну ночь.

Он стал ее первым мужчиной.

Эта мысль более всего тревожила его, никак не выходила из головы.

Еще когда Алессандра была подростком, пресса с радостью поносила ее за якобы имевший место роман между ней и женатым мужчиной. И вот – она оказалась девственницей. Кристиан и раньше подозревал, что с этой историей все не так просто, но истина стала для него настоящим шоком.

Впрочем, что бы там ни было – это не его дело. И Алессандра – не его дело. Он не имеет права.

Он поспешно опрокинул еще одну рюмку и уставился на руку Стефана, лежавшую на ее талии. Он что-то шепнул ей на ухо, она рассмеялась, и при звуках этого смеха горло Кристиана словно перекрыл комок желчи.

– Прячешься? – Рядом с ним возник Зайед.

– Решил пару минут передохнуть.

Танец закончился, и Стефан тут же направился к ним:

– Что пьем?

– Кристиан уже перешел на крепкое. – Зайед кивнул на ряд пустых рюмок.

Кристиан, впрочем, их не слушал, обшаривая взглядом зал в поисках Алессандры. Наконец он увидел ее за столиком в компании каких-то незнакомцев. Она неотрывно смотрела на него. На мгновение их взгляды встретились. Кристиан поспешно отвернулся к друзьям с вымученной улыбкой:

– Ну что, выпьем по рюмочке? – и, не дожидаясь ответа, повелительно махнул бармену.

Устроившись у стойки, трое друзей подняли рюмки:

– *Memento vivere!*

«Не забывайте жить!» Это был девиз, которому неизменно следовали они четверо.

– Никогда бы не подумал, что доведется побывать на свадьбе одного из нас. – Зайед вытер рот тыльной стороной ладони. – Рокко... женится? Я до сих пор в это не верю.

– А я так даже не верил, что он способен влюбиться, – откликнулся Стефан столь же скептическим тоном.

Ухмыльнувшись, Кристиан махнул бармену, чтобы тот налил им еще.

Быть может, его следовало назвать циником, но он не мог не думать о том, скоро ли любовь, связавшая Рокко с его невестой, превратится в злое и уродливое чувство. Таково уж свойство брака – двух людей, полных любви и надежд, он превращает в уродливые карикатуры на самих себя. Гораздо безопаснее обходиться без эмоциональных привязанностей, как Кристиан. Еще подростком он твердо знал, что женитьба – это не для него.

– Здесь немало красоток. – Зейд внимательно оглядывал зал.

– Вон та моделька явно строит тебе глазки, – отозвался Стефан.

– Я думал, она актриса.

– Нет, это другая.

– Но Алессандра даст им всем сто очков вперед, – проговорил Зайед.

Кристиан резко повернулся к нему:

– Даже не думай!

– Я просто сказал. – Зайед шутливо поднял руки. – Я о подобном даже не думал. Никогда бы не поступил так с Рокко... Пстой, ты куда?! – воскликнул он, увидев, что Кристиан, встав, направляется к двери.

– Подышу свежим воздухом, – откликнулся тот.

– Ты плохо себя чувствуешь? – Стефан изучающе смотрел на него.

– Было много работы. А может, все из-за перелета, – пробормотал Кристиан и поспешно направился в уборную. Там он плеснул себе в лицо холодной водой.

Он чуть не ударил Зайеда.

Theos, он должен взять себя в руки.

Это его вина. Его проблема. Никто другой не имеет к ней отношения.

Вернувшись в зал, он привычно отыскал взглядом Алессандру. Как только он увидел ее, она, словно почувствовав, посмотрела на него. Он поспешно отвернулся.

Раньше ему казалось, что он неплохо скрывает свою душевную бурю! И вот он чуть не ударил близкого друга из-за невинного замечания...

Кристиан вернулся в зал и продолжил веселиться. Вместе с друзьями он смеялся, пил и развлекался вовсю – словом, вел себя как всегда, когда они были вместе. И все же он постоянно

искал глазами Алессандру. И всякий раз, отыскав, ловил на себе ее взгляд. Казалось, она была вне себя от радости – она танцевала с каждым, кто приглашал ее, а один раз даже утатила Оливию на танцпол и вальсировала с ней, заливаясь хохотом.

Лишь после того, как жених с невестой отбыли в свадебное путешествие, маршрут которого они держали в секрете, Кристиан решил, что наконец выполнил свои обязанности. Обнявшись с Зайедом и Стефаном, не поскупившимися на шуточки насчет его желания лечь спать пораньше, он направился к выходу из зала, успев, однако, бросить еще один взгляд на Алессандру. Но на этот раз она на него не смотрела.

Он уже собиpался подняться в спальню, когда к нему подошел Стефан, вновь обняв его за плечи:

– Ты играешь с огнем, друг мой, – шепнул он Кристиану.

– Не знаю, о чем ты.

– Прекрасно знаешь. – Стефан сжал его лицо в ладонях. – Ты должен прекратить это. Сейчас же.

У Кристиана заныло в груди. Он не мог лгать другу:

– Все закончилось. Не успев начаться.

– И прекрасно. Пусть так и остается. Ради всех нас.

Глубоко вздохнув, Алессандра постучала в дверь. Праздник продолжался с новой силой: диджей занял место оркестра, и музыка тяжелой волной билась об стены. Гости бродили по всей территории виллы. К счастью, в этом крыле было тихо и пустынно.

Подождав несколько секунд, она постучала громче.

Кристиан, скорее всего, был здесь. Это подтверждала тусклая полоска света под дверью. В зале она подошла к Зайеду и Стефану, нарочито обыденным тоном она поинтересовалась, куда делся их третий мушкетер. Стефан сообщил, что Кристиан отправился спать; и ей показалось, что в его глазах мелькнула жалость.

«Господи, пожалуйста, пусть он будет там... один!»

Впрочем, стоило ли на это надеяться?

Кто она ему? Лишь одна строчка в длинном списке побед. Кристиан Маркос оставлял за собой шлейф женщин с разбитыми сердцами по всему миру – от Гонконга до Лондона. Некоторые из них рассказывали свои истории репортерам из желтой прессы: однотипные истории о короткой вспышке вожделения и быстрой отставке. Кое-кто вспоминал об этом со злостью, но большинство – с неостывшей страстью и надеждой на то, что Кристиан еще когда-нибудь решит разбить им сердце...

Казалось, прошла вечность, прежде чем ручка двери медленно повернулась.

Кристиан стоял на пороге в одних джинсах, моргая от изумления.

– Что ты здесь делаешь?

– Мне надо с тобой поговорить. Могу я войти?

– Не самая лучшая идея, – хрипло произнес он.

– Это важно.

Его губы, на которых вечно блуждала улыбка, сейчас были крепко сжаты. Он молча отступил и, указав ей в глубину коридора, быстро закрыл дверь.

Комната была тщательно убрана. Смокинг Кристиана аккуратно висел на дверце гардероба. Постель была измята, на прикроватном столике, рядом с полупустой бутылкой бурбона и пустым бокалом, лежал планшет.

– Ты пьян? – резко спросила она.

Этот разговор мог состояться, лишь если он трезв.

– Нет. – Подойдя к окну, Кристиан задернул тяжелые шторы. – Хотя и пытался этого добиться.

Если бы она могла позволить себе то же самое!

– Прекрасный праздник. – Алессандра присела на стул. Да, виски ей бы не помешал. Тогда ей проще было бы справиться с предстоящей беседой. – Похоже, Рокко и Лив действительно счастливы.

Ее сердце сжалось. Она радовалась за брата, но вот самой ей, похоже, подобное счастье не суждено...

Кристиан прислонился к стене возле окна, скрестив руки на широкой груди. Тогда, в своей квартире, она не смогла как следует разглядеть его тело. Теперь, глядя на него, она вновь ощутила, как поднимается в ней жаркая волна, охватившая ее той ночью.

Годы занятий греблей и легкой атлетикой укрепили его тело, сделали его сильным и мускулистым. Тонкие волоски курчавились на его широкой загорелой груди. Она почувствовала почти непреодолимое желание броситься в его объятия, найти утешение в его силе.

Она никогда не забудет, каково это – заниматься с ним любовью. Это было одно из лучших впечатлений в ее жизни.

Несмотря на ее отчаянные попытки изгнать из памяти эти воспоминания, они никуда не исчезли, дразня и мучая ее напоминанием о том, что это никогда не повторится.

– И о чем же ты хотела поговорить?

Его голос вернул ее к реальности. Он звучал враждебно, в нем не было ничего от того легкого и приятного в общении Кристиана, которого она знала. Она отчетливо понимала: он лишь хочет, чтобы она ушла.

Он явно жалел о том, что случилось, и корил себя за это.

Ее сердце как безумное колотилось в груди, желудок сковала тяжесть, нервы не выдерживали. Во всем виновата она, она одна...

– Я беременна.

Глава 2

После ее слов воцарилась мертвая тишина.

Казалось, Кристиан вот-вот согнется пополам, словно от удара под дых.

Да, ее слова были именно таким ударом, подумала она.

Она сама не знала, как сумела продержаться весь этот день. Ее поддерживала лишь мысль о том, что она не должна испортить Рокко и Оливии лучший день в их жизни. Не должна.

Она всю жизнь старалась быть собранной на людях. Не считая сегодняшнего, самым трудным для нее был день похорон дедушки два месяца назад. Вокруг них толпились папарацци. Она не снимала темных очков до самого входа в церковь, не желая порадовать их возможностью сделать снимок, на котором они смогут здорово заработать. Даже когда Сандро, ее отец-алкоголик, явившийся на похороны пьяным, устроил безобразную сцену, она держалась. Тогда Кристиан и Зайед аккуратно вывели его с церемонии.

Кристиан тяжело опустился на кровать, обхватив голову руками.

– Пожалуйста, скажи что-нибудь! – умоляюще прошептала она. В ее глазах закипали слезы, и она яростно заморгала. Что бы ни случилось в ближайшие минуты, она не заплачет. Она и так плакала достаточно.

Его голубые глаза внимательно смотрели на нее.

– Давно ты узнала?

– Я некоторое время догадывалась... Но тест сделала только пару дней назад. – Она невесело засмеялась. – Даже три теста. Всякий раз я надеялась, что предыдущий ошибся.

Лишь после третьего теста она бросилась на кровать и разрыдалась.

– Ты была у врача?

– Еще нет. – Она закусила губу. Две недели она отказывалась признать, что задержка случилась у нее не просто так. Еще две недели она собиралась с духом, чтобы наконец переступить порог аптеки.

Она никогда не верила, что ей суждено стать матерью. Материнство предполагало постоянные отношения с мужчиной, а она предпочитала их избегать.

– Но ты уверена?

– Да.

Когда реальность произошедшего проникла в ее потрясенное сознание, слезы тут же прекратились.

Внутри ее зародилась новая жизнь.

Чем бы ни закончился разговор с Кристианом, одно было ясно: эта жизнь, ее ребенок, – часть ее. Она даже не представляла, какие чувства принесет ей весть о беременности. Она уже любила его, этого маленького незнакомца, поселившегося в ней, и была готова на все, чтобы вырастить и защитить его.

Тишину в комнате нарушало лишь тяжелое дыхание Кристиана. Она еще никогда не видела его лицо – лицо одного из самых красивых мужчин в Европе – таким пустым.

– Прости меня.

Он сдвинул брови:

– За что?

– Это из-за меня. – С усилием она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. – Я не вовремя выпила таблетку.

Покачивая головой, он взъерошил пальцами свои волосы:

– Почему же ты мне не сказала?

– Я не знала, что это так опасно.

– Не знала? Да это же основы биологии! – Он чертыхнулся вполголоса.

– Мне выписали эти таблетки из-за болезненных месячных, а не для контрацепции.

– Ты должна была сказать мне. *Theos*, если бы я знал, что ты пьешь их нерегулярно, я бы воспользовался презервативом.

– Мне правда жаль.

Его пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели. Алессандра видела, что он вот-вот готов взорваться.

– Не обвиняй только себя, – наконец сказал он. – Виноваты мы оба. Мне следовало использовать презерватив, как обычно.

Алессандра закрыла глаза, пытаясь отогнать картины, на которых он был с другими женщинами.

– Кристиан... одна я не справлюсь, – проговорила она. – Мне нужна твоя помощь. Не деньгами... другая.

С деньгами вопросов не было. Она справится. У нее своя квартира, ее карьера на взлете...

Открыв глаза, она взглянула на его все еще изумленное лицо:

– Я хочу, чтобы ты дал мне слово – честное слово, что не оставишь меня и ребенка.

Впрочем, подумала она, это все равно будет лишь слово мужчины. А мужчины часто нарушают свои обещания. Конечно, он был отцом ее ребенка. Но ведь ее собственный отец был худшим из лжецов. Когда ее мать умирала, он обещал ей, что позаботится о детях, никогда их не бросит... И это была самая ужасная его ложь.

Лишь двоим мужчинам она могла доверять – брату и дедушке. И когда не так давно она узнала, что у деда были собственные мрачные тайны, это разбило ей сердце.

Если бы не смерть дедушки, она никогда не переспала бы с Кристианом. Она наткнулась на него в главном офисе модного дома «Монделли», после встречи с креативным директором компании, с которым она обсуждала предстоящую съемку для рекламной кампании. Кристиан заехал в «Монделли», чтобы позвать брата развлечься, но Рокко был в Нью-Йорке. А она... она никак не могла справиться с болью после смерти деда, и вечер с Кристианом был отличной возможностью хоть ненадолго отвлечься. Поэтому она быстренько уговорила Кристиана прихватить вместо Рокко ее. Она и представить себе не могла, что отправится с ним в постель.

Но это случилось. И теперь и ей, и Кристиану предстоит платить по счетам.

Она с нетерпением ждала, когда он скажет хоть слово. Внешне он был спокоен, но глаза смотрели настороженно. Она не могла ничего прочесть в его лице.

– Если о моей беременности узнают, на меня тут же налетят журналисты. Я уже пережила один такой скан дал и второго не переживу. Просто не могу.

От одного воспоминания о давних событиях у нее вспотели ладони, а в желудке неприятно заныло. О, она отлично помнила те ужасные дни, когда папарацци осаждали виллу Монделли, сделав ее пленницей в собственном доме. Ей никогда не было так страшно и одиноко.

– Если я смогу надеяться, что ты поддержишь нас, когда это потребуется мне или ребенку, я снова смогу заснуть, – произнесла она.

Кристиан взял бутылку с бурбоном, достал бокал и, щедро плеснув туда жидкости, протянул ей. Она покачала головой.

– Ну конечно. – Он жадно отпил сам. – Ты же беременна. Ты сегодня не пила?

– Маленький бокал шампанского, для тостов, – и все.

Поднявшись, он подошел к окну и стал задумчиво разглядывать открывавшийся вид.

– Ты мне поможешь? – настойчивее спросила Алессандра. Она должна была это узнать, хоть и не представляла, что будет делать, если он откажет ей. Сломается? Уйдет в монастырь? Нет, она не сделает ни того ни другого. Ради зародившейся в ней жизни она выдержит.

– Так что? Ты поддержишь ребенка? Ты станешь ему отцом?

У Кристиана звенело в ушах. Звон не умолкал с того момента, как Алессандра сообщила ему о своей беременности. Он смотрел на ее пока еще плоский живот под сиреневым платьем. Ничто пока не говорило о том, что там, внутри, зародилась новая жизнь.

Жизнь, которую они создали вместе.

Его ребенок.

Он станет отцом.

Подумав об этом, он вдруг вспомнил собственного отца. Он ушел из семьи, когда Кристиан был еще совсем малышом, и память не сохранила черт его лица. В его жизни от отца не осталось ничего, даже фотографий: мать сожгла их все. С детства они с матерью были вдвоем. Жизнь матери была полна обиды и злости. Она стала такой потому, что отец бросил их.

Он никогда так не поступит.

Он поднял взгляд и посмотрел Алессандре прямо в глаза, полные страха и неуверенности. Она изо всех сил пыталась казаться храброй, но руки у нее дрожали. Она то и дело прикусывала нижнюю губу в ожидании ответа.

Он знал, как он должен ответить.

– Да, – кивнул он. – Я поддержу и тебя, и ребенка. Но взамен я прошу тебя выйти за меня замуж.

Гребень, поддерживавший волосы Алессандры, слегка царапал ее кожу с самого утра, но сейчас эта боль почему-то показалась ей невыносимой, и она выдернула его, вскакивая и убирая волосы с лица. Она молчала, не в силах подобрать слова.

– Понимаю, для тебя это шок, – наконец проговорила она. – Но брак?..

– Да, брак.

Она покачала головой:

– Пожалуйста, не говори того, о чем утром, взглянув на ситуацию трезво, будешь жалеть.

– Утром ничего не изменится. Ты по-прежнему будешь беременна.

– И по-прежнему не захочу выходить за тебя.

– Алессандра, – он старался говорить сдержанно, – подумай сама! Это же очевидно. После нашей свадьбы у ребенка будет статус.

– Мы живем не в девятнадцатом веке. Теперь ни кто не смотрит косо на детей, рожденных вне брака.

В глазах Кристиана сверкнуло чувство, которого она не понимала.

– Ребенку нужны оба родителя. Ты знаешь это не хуже меня.

Ей хватило бы и одного, горько подумала Алессандра. Ее отец был жив, но он так и не стал для нее настоящим папой. Он отказался от нее сразу же после рождения. К моменту, когда ей исполнилось год, он успел пропить и проиграть их дом, отдав ее и Рокко на попечение собственного пожилого отца.

Ей казалось, что она внезапно получила удар под дых. Предложение пожениться было последним, чего она ожидала от Кристиана. Максимум, на что она рассчитывала, – открытая поддержка для нее и ребенка, да и это казалось ей недостижимой мечтой, учитывая, что Кристиан Маркос боялся серьезных отношений как огня. На его фоне сам Казанова показался бы монахом. Ни на что более серьезное она не надеялась и была готова к тому, что Кристиан будет появляться в их с ребенком жизни когда захочет и так же неожиданно исчезать. Она готова была просить его не представлять ребенка многочисленной веренице «тетушек». Словом, она была готова к любому сценарию. Кроме предложения о браке.

– Кристиан, будь реалистом. Брак – это...

– То, чего мы оба не хотим. – Он спокойно встретил ее взгляд.

Она ясно помнила их разговор о браке в ту самую ночь, когда был зачат их ребенок. «Дураки» был лишь один из многих эпитетов, которыми они награждали тех, кто добровольно

связывает себя семейными узами. Они даже подняли тост за это редкостное единство их взглядов.

– Точно. Это то, чего не хочет ни один из нас.

Скривившись, он допил виски:

– Ни ты, ни я не хотим брака в обычном смысле слова. Но если мы поженимся ради ребенка, это не мешает каждому из нас идти своей дорогой. Мы не будем обещать друг другу навеки быть вместе – мы лишь поклянемся, что всегда будем рядом с ребенком.

– Но брак?..

– Брак объяснит твою беременность и поможет избежать скандала. Конечно, журналисты набросятся на такой сюжет, но они будут не столь безжалостны к тебе.

– Если ты просто признаешь отцовство, будет то же самое. Сейчас мне только это и нужно. Чтобы ты признал себя отцом ребенка. Все остальное мы можем обсудить потом. Времени еще много.

– А как насчет того, что нужно мне? – с вызовом спросил он. – Ты сообщаем мне, что я стану отцом и тебе нужна моя поддержка. Я предлагаю тебе максимальную поддержку – брак, – но ты отвергаешь ее!

– Что нужно тебе? – Она явно смутилась. – Что ты получишь от этой свадьбы?

– Возможность быть отцом, – пожал плечами Кристиан. – Я построил многомиллиардный бизнес, но мне некому его передать.

– Деньги! – Она не скрывала презрения. Деньги – единственное, что доставляло ему больше удовольствия, чем бесконечные интрижки.

Его голубые глаза сверкнули.

– Нет. Наследство. Но даже если бы я не был богат, я все равно захотел бы жениться на тебе. Я знаю, каково это – расти без отца, и не хочу обрекать на это своего ребенка. Я хочу, чтобы мой сын или дочь носили мое имя. Хочу знать, что этот ребенок – мой.

Как он сумел проделать это? Нет, не зря он слыл одним из самых выдающихся умов в финансовом мире. Он работал с деньгами каждый день и был всемирно признанным финансовым гением, к чьим советам прислушивались все крупные корпорации в самых разных сферах бизнеса.

Она много дней умирала, обдумывая бесконечные варианты. А он мгновенно понял ситуацию и проанализировал все до деталей. Раньше она знала его лишь как одного из друзей брата. Эта его сторона открылась перед ней впервые.

Но сейчас ее это не радовало.

– Ты можешь быть отцом, не заключая со мной брак.

– Ты с таким же успехом можешь быть матерью-одиночкой, не получая никакой поддержки, помимо финансовой, – отпарировал он, и в его голосе почувствовались предупреждающие нотки.

– Я уже сказала, что мне не нужны твои деньги!

Кристиан глубоко вздохнул:

– Я пытаюсь действовать так, как будет правильно в этой ситуации. Я не собираюсь заставлять тебя вы ходить за меня, но я должен думать о ребенке. Он за служивает стабильной жизни, и брак даст ему это. Или твоя свобода важнее?

Кристиан заметил, как после этих слов вытянулось лицо Алессандры. Он не винил ее. Он просто был готов говорить все, что требовалось, чтобы добиться ее согласия.

Theos, еще час назад он был уверен, что одна мысль о браке заставит его в ужасе бежать отсюда до Гонконга! И вот теперь он буквально заставляет ее выйти за него замуж!

– Это несправедливо, – хрипло проговорила она.

– Жизнь вообще несправедлива, – откликнулся Кристиан. Уж он-то это знал. – Не обязательно превращать брак в тюрьму для нас обоих. Ты сможешь и дальше заниматься своей карьерой.

– Как это благородно с твоей стороны! Что ж, я тоже не буду заставлять тебя отказываться от карьеры.

Он предпочел не заметить ее сарказма, понимая, что его причина – страх. Если для него мир перевернулся, то можно представить себе, что это значит для нее! Ведь именно ей предстояло выносить ребенка и дать ему жизнь.

Он думал о ребенке. Сам Кристиан рос, зная, что где-то там живет человек, который стал его отцом и который не захотел иметь с ним, своим сыном, дела. Он не понимал этого никогда, даже сейчас.

У него ушло немало лет, чтобы принять это как очередной факт, но в детстве эта мысль доставляла ему боль. Он никогда не заставит своего ребенка ощутить нечто подобное. Его ребенок будет расти в любви и безопасности, рядом с двумя родителями, которые будут любить и защищать его.

Глядя, как Алессандра неосознанно положила руку на живот, словно пытаясь защитить своего еще не рожденного младенца, он понял, что ее материнские чувства глубоки уже сейчас.

Их ребенок. Его обязанность. Нет, их общая.

– Когда мы поженимся, мы будем уникальной парой... – начал он.

– Не говори об этом как о чем-то решенном. Брак меняет все. Это не просто подписи на листе бумаги и обмен драгоценностями. Есть юридические последствия...

– Именно они мне и нужны. Я хочу, чтобы мой ребенок знал: родители любили его достаточно сильно, чтобы ради него создать настоящую семью.

– Это уже слишком. – Алессандра поднялась.

У него кольнуло в груди, когда он увидел, что она вся дрожит, мучительно пытаясь сдерживать свои чувства, – точно так же, как на похоронах деда. Ее сияющие волосы в беспорядке рассыпались по плечам, золотистая кожа побледнела.

Он совсем не хотел причинять ей боль, но он был глубоко уверен, что его план – единственно верный.

– Мне надо переспать с этим, – сказала она. В ее глазах плескалось беспокойство, обычно незаметный итальянский акцент был явственно слышен. – Я не могу вот так сразу согласиться. К тому же ты еще можешь передумать. Я огорошила тебя новостью, но утром все будет выглядеть иначе.

У него на языке вертелся с десяток доводов, которыми он мог бы припугнуть ее, заставив принять его предложение. Но он сдержался. Не стоит усиливать ее враждебность. Впрочем, одну мысль он, пожалуй, выскажет...

– Я не передумаю, но ты, конечно, можешь пере спать с этой мыслью. Но, лежа в постели, подумай вот о чем: если ты выйдешь за меня, скандала удастся избежать. Если же ты откажешь мне, пресса распнет тебя, а заодно вывалит в грязи и дом «Монделли». Ты хочешь вновь пройти через это? Хочешь втянуть в это Рокко?

Она замерла, с гневом глядя на него.

– Ты хочешь вала сплетен о том, кто отец? – продолжал Кристиан. – Хочешь, чтобы они вспомнили старый скандал и стали гадать, не замутила ли ты вновь интрижку с женатым?

– Но я никогда...

Ему было больно видеть, как страдание и замешательство исказили ее лицо. Но у него не было выбора.

– Ты знаешь толк в грязных приемах, – произнесла она наконец.

– Если бы это было не так, я бы так и остался в Греции. Если ты откажешь мне, тебе придется иметь дело с репортерами. Внимание всего мира будет приковано к тебе. Я же не буду делать никаких признаний до рождения ребенка.

Алессандра с трудом сглотнула и кинула на него ненавидящий взгляд:

– Не думай, что сможешь шантажировать меня, Маркос.

– Я не хочу тебя шантажировать. Но у меня нет выбора, – отозвался он, чувствуя жгучую боль в груди от ее слов.

Подойдя к двери, Алессандра взялась за ручку:

– Я иду к себе. Я отвечу тебе утром.

– Ответ может быть только один.

– И все же тебе придется его дожидаться.

Глава 3

Кристиан вошел в великолепную столовую, где уже подавали завтрак. Его голова пульсировала от боли. Алессандра уже была там. Тут же сидели Стефан, Зайед и еще кое-кто из гостей, решивших провести ночь на вилле, вместо того чтобы отправиться на борт собственной яхты или покинуть поместье на частном вертолете.

Практически все они выглядели не лучшим образом, как и Кристиан. Но его это мало утешало.

Он так и не сумел напиться до того градуса, к которому стремился. И все же организм нещадно наказывал его за излишества.

Алессандра резко повернулась к нему. Взглянув на нее, любой, без сомнения, подумал бы, что она тоже страдает от похмелья. Лишь Кристиан понимал, что краснота ее глаз и темные круги под ними вызваны совсем иными причинами.

Он сомневался, что она спала больше, чем он сам, – то есть совсем мало.

И все же ее очарование оставалось при ней. Ее блестящие, как всегда, волосы широкой волной спускались до середины спины.

Кристиан сел рядом с Зайедом, жадно глотавшим черный кофе. Он налил себе чашку напитка, а на вопрос официанта о завтраке отрицательно покачал головой. Все, что ему нужно, – горячий сладкий кофе. И горсть обезболивающих таблеток.

Лишь только он сделал первый глоток, как Алессандра поднялась из-за стола, шепнув что-то Стефану. Тот страдальчески хохотнул, тотчас схватившись за голову.

Чтобы не возбуждать подозрений, Кристиан еще посидел в зале, пожаловался приятелям на похмелье и наконец, заявив, что хочет полежать, направился к выходу.

Комната Алессандры располагалась в крыле, противоположном тому, где во время визитов на виллу останавливались Кристиан и его друзья. Дойдя до нее, он несколько раз постучал и наконец рывком открыл дверь.

Комната была пуста.

Крадучись, он вышел из здания и направился в сад.

Он обнаружил Алессандру на ступеньках каменной лестницы, спускавшейся к озеру Комо.

Она не подала виду, что заметила его.

На ней были обтягивающие белые джинсы, открывавшие щиколотки, и бледно-розовая кашемировая блузка. Глубокий треугольный вырез открывал ложбинку между набухшими грудями – единственным физическим свидетельством перемен, происходивших в ее теле.

В его памяти вдруг ярко вспыхнуло воспоминание о совершенстве ее груди, о том, как ладно она ложилась в его ладонь. Казалось, стоило закрыть глаза, и он мог ощутить ее вкус...

– Как ты себя чувствуешь? – резко сказал он, присаживаясь рядом с ней и усилием воли отгоняя воспоминание о ее нагом теле.

– Не хуже, чем бывает в моем положении, – откликнулась она после долгой паузы.

– Вчера я не спросил тебя, как проходит беременность... я имею в виду, в смысле здоровья.

Алессандра вновь помолчала.

– Пока все хорошо – никакой тошноты или чего-то еще в том же духе.

– Я перекроил свое расписание, чтобы на несколько дней задержаться в Милане. Завтра с утра мы с тобой пойдем к врачу.

– Завтра у меня съемка. – Она негодуя посмотрела на него. – И прежде, чем ты опять обвинишь меня в эгоизме, хочу напомнить, что из-за отмены съемки график придется перекраивать десятку людей. Так что сходить к врачу можно и днем.

Что ж, по крайней мере, она согласна пойти с ним к врачу. Неплохо для начала.

– Значит ли это, что ты согласна на брак?

Несколько мгновений Алессандра молчала.

– Если мы поженимся, оба станем официальными опекунами ребенка.

Этого я и хочу. – Брак, сколь бы негативно он к нему ни относился, для него оставался единственным способом получить официальное признание своего отцовства.

Алессандра внимательно посмотрела на него:

– Но если со мной что-то случится, ты останешься один с ребенком на руках.

Она говорила очень серьезно, и от этой серьезности Кристиан похолодел:

– Почему ты об этом говоришь?

– Ты знаешь, как умерла моя мать?

– Рокко не любит об этом говорить. Он упоминал лишь, что, когда она умерла, ему было семь лет. – Значит, прикинул он, Алессандра тогда была совсем малышкой...

– Она умерла родами. Когда рожала меня.

Theos...

– Рокко никогда не упоминал... – Он потряс головой, пытаясь переварить эту новость.

– Рокко страдал сильнее всех.

– Как это произошло? – спросил Кристиан, пытаясь представить их – семилетнего Рокко и малышку Алессандру, которая осталась без матери, едва появившись на свет...

Он попытался вспомнить, сколько лет было Рокко, когда он стал жить со своим дедом, Джованни Монделли. Кажется, восемь. Значит, Алессандре едва исполнился год.

Она никогда не знала ни материнской, ни отцовской любви.

– Презлампися, – тихо проговорила она.

Вскипевший гнев мгновенно вытеснил из его души жалость, вызванную трагическими обстоятельствами ее рождения.

– Так какого черта ты еще не была у врача?!

– Это состояние проявляется лишь на поздних стадиях беременности. Сейчас со мной все в порядке. Мать не знала, с чем столкнулась, – ведь она уже родила здорового ребенка без всяких осложнений. С тех пор медицина шагнула далеко вперед, и мы можем подготовиться к тому, что предстоит. Вероятность того, что со мной случится что-то плохое, невелика. Но – я специально говорю об этом сейчас, прежде чем дать согласие на что бы то ни было, – я должна знать, что, если что-нибудь произойдет, ты сделаешь все, что обязан сделать по закону и из чувства долга, и вырастишь нашего ребенка.

– Я никогда не брошу нашего ребенка, – хриплым голосом произнес он. – Я сам жил без отца и знаю, каково это – не знать, чей ты. И никогда не позволю, чтобы наш ребенок прошел через это.

– То же самое сказал мой отец матери. Он обещал любить нас и заботиться о нас. Но он нарушил обещание, данное умирающей. Он бросил и меня, и Рокко.

– Я – не твой отец. Он поступил гнусно. Меня тоже предал отец, но я не предаю свою плоть и кровь.

– Мне придется поверить тебе. Хотя я с трудом доверяю мужчинам. И, если я останусь незамужней, я сама смогу выбрать того, кто сумеет поддержать меня.

Если бы взгляд действительно мог метать пламя, Алессандра запылала бы в огне, струившемся из глаз Кристиана.

– Я не позволю! – вскрикнул он. – Я буду сражаться за своего ребенка в любом суде, в любой стране!

Тугой узел, стянувший душу Алессандры, казалось, немного ослаб.

Она поверила ему.

У их ребенка будет отец. Нормальный отец.

Ей оставалось лишь надеяться, что она не ошиблась.

– Прости за эту мелодраму, – проговорила она. – Но я должна быть уверена. Мы оба должны быть уверены. Если мы поженимся, дело будет сделано – к лучшему или к худшему. Да, и если я дам согласие, ты должен будешь пообещать проявлять осмотрительность в своих амурных делах.

– В амурных делах?

– Я не дуручка. – Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал безразлично. Даже если выйдет за него, она должна понимать, на что идет. Кристиан – привлекательный мужчина. Нет, это слабо сказано – он действительно великолепен! Более красивых глаз она не встречала ни у одного представителя сильного пола. Прозрачно-голубые, они были словно два спокойных океана, залитые солнцем. Стоило ему остановиться на ней взгляд, в ней тут же вспыхивала целая буря чувств, которые она мучительно пыталась понять.

А какие чувства он возбудил в ней той ночью...

Он привык к тому, что женщины вешаются на него. Она была не настолько наивна, чтобы поверить, что брак все изменит. Их союз не был основан на любви.

– Наш брак будет заключен ради ребенка, но я не хочу унижаться, читая отчеты о твоих похождениях на первых страницах таблоидов, – продолжала она. – Поэтому прошу тебя об одном – выбирай себе подружек с умом.

Кристиан медленно выдохнул. Глядя на его крепко сжатые зубы, она всерьез испугалась, что сожми он их хоть немного сильнее – и они начнут крошиться.

– Еще что-нибудь? – ледяным голосом спросил он.

Она смотрела на него, не отводя глаз:

– Только одно. Я не собираюсь брать твою фамилию.

Кристиану казалось, что ее ледяной взгляд вот-вот обратит его в камень.

– Почему нет? – поинтересовался он сквозь сжатые зубы.

– Потому что мне нравится моя фамилия. И потом, я не хочу начинать все заново. Я уже семь лет занимаюсь карьерой, но лишь недавно мое имя стало известно благодаря моим работам, а не моему семейному наследию и делам минувших дней.

Алессандра смотрела на вещи трезво: да, сейчас она знаменита, но если она отойдет от работы на несколько месяцев, в модной прессе о ней вскоре забудут. Но было и еще одно, более важное соображение, которым она не хотела делиться с Кристианом. Она не думала, что их брак станет долгим. Она полагала, что он протянет примерно до того дня, когда их ребенку исполнится год, после чего Кристиан непременно возжаждет свободы.

– На работе ты можешь оставаться Монделли, но официально должна носить фамилию Маркос.

– Не говори мне, что я должна делать, а что нет! Даже если мы поженимся, ты не станешь моим тюремщиком!

– Конечно нет. Но наш брак – это способ обеспечить стабильность и объединить нас. Смена фамилии служит именно этому.

– Если для тебя это так важно, можешь сам стать Монделли.

– Это не обсуждается.

– Почему? Потому что ты мужчина? Никогда не думала, что у тебя такие пещерные взгляды.

– Это – брачная традиция.

Наш брак весьма нетрадиционен. Сейчас двадцать первый век, и масса пар женится не меняя фамилий. Прости, что разочаровываю тебя, но менять фамилию я не буду. Это даже не обсуждается.

– Но у ребенка будет моя фамилия. – Он смотрел на нее, и его голубые глаза, обычно такие теплые и живые, излучали ледяной холод. – Это тоже не обсуждается.

– Пусть будет так, – произнесла она столь же холодным тоном.

– Хорошо. – Лед в его глазах, казалось, слегка подтаял. – Означает ли это, что ты согласна выйти за меня?

– Неужели ты все еще хочешь жениться на мне? – с едва заметной усмешкой спросила она. Да, если Кристиан хотел заполучить жену, которой можно вертеть как угодно, он наверняка уже понял, что с ней это не пройдет. Она не хотела вредничать специально, но понимала, что правила надо устанавливать еще на берегу. Она слишком много и тяжело работала, чтобы стать тем, кем она стала, чтобы сдать свои позиции без боя. Тем более ради мужчины.

– Я хочу сделать так, как будет лучше для ребенка.

– Как и я.

Что ж, если ради этого придется выйти замуж за Кристиана, значит, так тому и быть. Рокко всегда говорил, что Кристиан – человек слова. А значит, если она откажет ему, он не объявит о своем отцовстве раньше, чем ребенок появится на свет. Пресса раздует скандал, вывалит в грязи ее, Рокко... Разве Рокко заслужил это? Он достаточно пострадал из-за нее.

Но сильнее всего от слухов и сплетен пострадает ребенок. А этого Алессандра не хотела.

Нет, в этой ситуации замужество будет весьма практичным шагом.

– Как мы осуществим это все на практике? – спросила она, пытаясь оттянуть момент, когда ей придется вслух согласиться стать женой Кристиана.

– Каждый из нас по-прежнему будет жить собственной жизнью. – Он внимательно смотрел на нее. – Свадьба будет скромной. На публике мы будем демонстрировать единение, но при этом можем жить в разных комнатах и вообще сохранять независимость.

– На это я согласна, – кивнула Алессандра.

– Но в первую брачную ночь и во время медового месяца нам придется спать вместе. – Кристиан не сводил с нее взгляда. Как и Алессандра, он считал, что в их союзе не должно быть недоговорок. И если они не раскрывают души навстречу друг другу, то глаза у них обоих должны быть открыты.

– Думаю, нам не стоит так далеко заходить. – Щеки Алессандры залил румянец.

– Я хочу, чтобы наш брак был законен во всем. Чтобы наш ребенок был защищен от скандалов и сплетен, люди должны верить, что мы любим друг друга. – Он старался мерить этот брак мерками бизнеса, рассматривая его как сделку между двумя компаниями. Ребенок, выращенный вместе, должен был стать доходной статьей контракта.

В детстве Кристиану приходилось ютиться в тесном жилище вместе с матерью, и с тех пор он всегда искал уединения. Дом для него был крепостью и убежищем. Даже постоянные слуги жили в отдельных помещениях.

Алессандра стала первой женщиной в его жизни, рядом с которой он проснулся не желая уходить.

В ту ночь он впервые желал женщину с такой жадностью. Он так хотел ее, что, казалось, готов был проглотить. Если бы он не боялся, что после лишения девственности это окажется для нее слишком болезненным, то занимался бы с ней любовью всю ночь напролет.

Щеки Алессандры стали еще пунцовой.

– То есть ты считаешь, что в нашем браке должен присутствовать секс?

– Нет. – Голос Кристиана дрогнул, воспоминание о темно-розовых сосках Алессандры само собой возникло в памяти. Заметив упавшую на ее лицо прядь волос, он бессознательно потянулся, чтобы убрать ее. – Но мы будем женаты. Чем супруги занимаются наедине, это их личное дело. – Он наклонился к ней. – Когда мы будем останавливаться где-либо, кроме нашего собственного дома, мы будем делить постель. А чем в ней заниматься, нам решать.

Да, их брак будет союзом по расчету. Но он будет отличаться от слияния двух компаний – это будет союз двух людей из плоти и крови.

Что-то неуловимое мелькнуло в глазах Алессандры. Кристиан был уверен: она вспоминала о том, как хорошо им было вместе.

Тогда между ними вспыхнула настоящая страсть.

Подавленные воспоминания о той ночи вспышками фейерверка хлынули из памяти.

Она была дикой и необузданной. Она стремилась дарить удовольствие и получать его, прикасаться и ощущать его прикосновения.

Ее возбуждение было живым и настоящим.

Алессандра откашлялась:

– А если я решу просто спать с тобой?..

«Тогда я, наверное, просто взорвусь», – подумал он.

– Значит, ты будешь просто спать, – сказал он тихо, склонившись к ней ближе. – Но если ты решишь не только спать, я не буду жаловаться.

– Потому что тебе все равно, с кем делить постель? – напряженно спросила она.

– Нет. – Покачивая головой, он приблизил губы к ее уху. – Потому что ты – самая сексуальная женщина из всех, с кем я встречался, и мне тяжело даже думать о том, чтобы отпустить тебя, не затащив в постель.

Отодвинувшись, он увидел, как распахнулись ее глаза.

– Я отлично понимаю, что твое мнение о моей сексуальной жизни отнюдь не лестно, – продолжал он, думая о том, как идет ей румянец смущения. – Но уверяю: я думаю той самой головой, которая у меня на плечах, а не той, что спрятана в плавках.

Она сглотнула прежде, чем откликнуться:

– Я считаю иначе.

– Понятно. Но чтобы доказать свою правоту, я в любом случае не прикоснусь к тебе до свадьбы.

Он увидел короткую вспышку пламени в ее глазах и вновь наклонился к ее уху:

– Но при этом за тобой остается право отказаться.

Он вдохнул ее запах. Все его чувства обострились: он ощущал жар ее кожи, понимая, что физическая тяга, кинувшая их в объятия друг друга, по-прежнему жива.

– Нам обоим придется пойти на жертвы, чтобы план сработал, – произнес он. – Но в постели нам нет нужды в компромиссах. Здесь брак может принести удовольствие нам обоим.

Она порывисто выдохнула, и это прозвучало почти как стон. Повисло напряженное молчание.

– Я не буду спать с тобой только потому, что ты от меня этого ждешь, – произнесла она наконец.

Он отодвинулся, чтобы иметь возможность рассмотреть ее как следует:

– Лично я жду от тебя только одного: на публике ты будешь делать вид, что мы любим друг друга.

Кинув на него короткий взгляд, она вновь отвернулась к озеру:

– *Vene.*

– Значит, договорились?

– Договорились. Я выйду за тебя.

Кристиан с облегчением выдохнул. Кто бы мог подумать, что согласие женщины выйти за него замуж вызовет у него такую реакцию?

– Лучше будет пожениться поскорее, пока твоя беременность еще не видна.

– Я не буду строить конкретных планов, пока не поговорю с Рокко.

Имя ее брата было для Кристиана словно удар наотмашь.

– Мы поговорим с ним вместе, – заявил он.

– Лучше я сама. Он – мой брат.

– И мой лучший друг. Его все это вряд ли обрадует.

– Я бы предпочла получить его благословение. Ну а если нет... – Она вздохнула, на ее лице появилось озабоченное выражение.

– Мы подождем его возвращения из свадебного путешествия, – уверенно сказал Кристиан, хотя у него внутри все переворачивалось при мысли о том, как отреагирует Рокко.

Рокко его никогда не простит.

Ну что ж, он примет от него любую реакцию. Что бы то ни было, он заслужил худшего.

Он вспомнил свою первую встречу с Рокко, Стефаном и Зайедом. Это случилось в первую же неделю учебы в Колумбийском университете. До этого он ни разу не покидал Афины. Нью-Йорк стал для него целым миром. Он чувствовал себя не соответствующим этому месту, особенно сравнивая себя со своими состоятельными друзьями из хороших семей. Он никак не мог понять, почему они принимали его как равного.

Даже теперь, обладая одним из величайших состояний в мире, он не мог разобраться, что они нашли в нем тогда.

Он был Кристиан Маркос, подзаборный нищий без гроша за душой. Она была Алессандрой Монделли и принадлежала к одной из лучших семей Италии. В ней был класс, была порода. Она была достойна стать принцессой.

В идеальном мире она бы вышла замуж за кого-нибудь, соответствующего ей по рангу. За того, кто достоин ее.

И все же, хоть они были из разных миров, в браке у них было кое-что общее: серьезные отношения не были нужны никому из них. Она никогда не будет нуждаться в нем, никогда не потребует большего, чем он в состоянии дать.

И для него она тоже не станет необходимой.

Тяжелые и малопонятные чувства не будут потрясать их брак.

Глава 4

Алессандра нажала кнопку, впуская Кристиана в подъезд, и глубоко вздохнула, собираясь с духом. Они не виделись уже десять дней.

Пару дней они провели вместе в Милане, сходяв к врачу и к частной акушерке. Оба подтвердили, что с ней и с ребенком все в полном порядке. Алессандра и сама чувствовала, что это так, но слова специалистов все-таки сняли груз с ее души.

Ей сделали УЗИ и вручили обоим снимки. После этого Кристиан уехал. Она часами рассматривала снимок, глядя на микроскопическую головку и конечности. Их было почти невозможно различить, так что ей приходилось вспоминать пояснения медсестры. Иногда при взгляде на снимок у нее сжималось горло. Ее прекрасный малыш! Ее и Кристиана.

С тех пор они не виделись, хотя ежедневно обменивались звонками и сообщениями. Кристиан рассказывал ей о том, как идет подготовка к свадьбе. Он хотел устроить настоящую греческую свадьбу, так что, естественно, организация легла на его плечи. Впрочем, в любом случае Алессандра вряд ли согласилась бы принять на себя эти заботы. Слишком много сил ей приходилось тратить на то, чтобы смириться с предстоящими глобальными переменами в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.